

Георгий ПУЛККАНЕН

г. Лаукаа Финляндия

РЕВОЛЮЦИЯ

Посвящается воспитанницам
Смоляного института

Махнув прядями распущенных волос, сидевшая в центре кровати изобразила заговорщицкий вид. Остальные девушки, тут же рядом, словно замороженные, слушали подругу с интересом и ужасом. Белые сорочки к полу¹ с серыми ленточками у воротников, освещенные газовой горелкой, придавали их бледным лицам вид потусторонних и таинственных существ.

Рассказчица почти шепотом продолжала:

— И когда встанете у окна темной ночью, увидите слабую огненную дорожку. Только дорожка эта светится не земным светом, а загорбым. Так открывается дверь...

Вдруг одна из девушек, по виду самая молодая, икнула неожиданно и произнесла:

— Ой, Натали, как же так?

— Да не бойтесь, душечка, это надобно одной быть, иначе дверь не откроется.

В эту самую минуту по помещению пошел тихий и протяжный скрип открывающейся двери. Сидевшие с криками кинулись по кроватям и исчезли под одеялами. Тяжелая дверь

отворилась, и на пороге предстала маленькая девочка в такой же сорочке, как у старших. Ее бледное лицо придавало ей вид привидения. Черными испуганными глазенками оглядела девушек, спрятавшихся под одеялами, и тихим дрожащим голосом протянула:

— Подружечки... — Одеяла откинулись, и из-под них повыглядывали неспавшие. Кто-то воскликнул облегченно:

— Это же маленькая Констанция!

— И верно! — обрадовались остальные и, подскочив, собрались вокруг девочки. Натали — рассказчица — с особой материнской нежностью провела рукой по волосам и, заглянув в глаза, поинтересовалась:

— Констанс, душа моя, вы заблудились? Ваш дортуаре через две двери.

— Подружечки... — вновь протянула девочка; глаза её покраснели и наполнились слеза-

¹ К полу — здесь: опускающиеся или ниспадающие к полу. *Примечание автора.*

ми. — Натали, я не заблудилась, мне в дальнюю комнату надобно. А там... там... — Голос ее перешел на всхлипывание, — ...там темно...

— Ой! Конечно! Пойдемте, конечно, провожу. Не бойтесь, — сказав это, взяла девочку за руку и приоткрыла дверь.

Над кроватью поднялась еще одна голова, и сонный голос попросил:

— Подружечки, а можно мне с вами?

* * *

Лучи утреннего света, пробираясь сквозь витражи окон, наполняли дортуаре «живыми» солнечными зайчиками. Они весело и задористо перескакивали с одной кровати на другую, прятались в углах и стремительным бегом неслись по стенам комнаты. Тени отступали, помещение с каждой секундой становилось светлее и светлее. Начинался новый день.

Девушки уже не спали: щебеча и переговариваясь вполголоса, застилали кровати, опрашивали одежду и поправляли волосы; дежурные сворачивали постельное белье и относили в прачечную, с тем чтобы затем заменить его на новое, открахмаленное.

Торопились. К общей утренней молитве следовало выглядеть подобающе. Опоздания по уважительным причинам не принимались. Заслуженное наказание — «молитва на горюхе» — следовало тут же.

Дежурные, сегодня Натали и коренастая смуглая Софья, торопились вдвойне: им предстояло еще помочь подняться младшим и, если потребуется, помочь воспитателю Луизе Фокк, суровой, но доброй женщине, построить их в коридоре.

— Натали! — окликнула девушку её соседка по кроватям Лизонька. — Натали, душечка! Сегодня приходит мадам Пантелеева рисовать с натуры. Вы будете?

Пепельно-серые глаза Натали, спрятанные под черными густыми ресницами, на мгновение оживились, но тут же вновь угасли.

— Ой, Лизонька. Я была бы просто счастлива, но сегодня день «господина Зингера», и мы с Софьей все свободное время будем пришивать воротнички младшеньким.

Лизонька подошла к подруге, взяла ее за руки и произнесла:

— Простите, Натали. Я вас очень люблю и не хотела расстраивать.

— Пустое, Лизонька...

Их обняла еще одна соседка и, повиснув на руках обеих, сказала:

— А мы мадам уговорим еще раз прийти. Скажем, что она просто должна писать с Натали, иначе будет жалеть об этом... — и, выдохнув, добавила: — ...ну очень долго. Правда, подружечки?

Все засмеялись и закивали.

— Ой, как славно придумали, — обрадовалась Лизонька, — верно ведь, Нат?

— Верно, верно, голубушка. — Натали развернулась на каблучках по направлению к двери и вышла, прикрыв ее за собой.

Через пятнадцать минут шеренга девушек, возглавляемая воспитателями, была выстроена в коридоре для утренней молитвы. Словно солдаты на плацу, ожидавшие дальнейших указаний своих командиров.

Отличало их от взвода военных только то, что все были в абсолютно белых сорочках, а не в мундирах, и возраст колебался от девяти с малым до восемнадцати. Мимо склоненных голов их не спеша, передвигаясь от одного дортуаре к другому, проплывала попечительница института госпожа Устинова со словами: «Доброе утро, девушки». В ответ ей раздавалось хоровое приветствие, разносящееся эхом по всем этажам и закоулкам Смольнического: «Доброе утро, Анна Павловна».

На обращении по имени-отчеству настаивала сама Анна Павловна, хоть это и считалось нарушением регламента, который требовал называть ее «госпожа попечительница». Но это, как ей казалось, помогало настроить воспитанниц на дружеский и домашний лад. Достигнув конца коридора, попечительница доставала свой старый молитвенник и вслух, громко и отчетливо, читала «Заутреннюю молитву». Девушки вполголоса вторили ей. По окончании крестились, произнося «Аминь», и расходились по своим дортуаре готовиться к завтраку и дневным, дообеденным занятиям. Ритуал этот был одинаков и постоянен день ото дня и год из года. Чтение же молитвы при-

вивало воспитанницам любовь к Богу, учило послушанию и смирению.

Быстро проходили дневные занятия: это и утомительное чтение Карамзина на истории, и предвзятости географа «Бисмарка» — как его прозвали воспитанницы меж собой на уроках географии. И только уроки танцев вела сама Анна Павловна, известная раньше балерина и потому уделявшая повышенный интерес именно к этому предмету.

Класс для танцев представлял собой огромный зал с арочными потолками и высокими к полу окнами на одной стене и такими же по высоте зеркалами на другой. Помещение, украшенное фресками и чашами с цветами, разделено было четырьмя колоннами, которые придавали всему вид греческого амфора.

Грозная, словно утес под морем, фигура директрисы возвышалась над склонившимися ученицами:

— Mesdemoiselles, la révérence... Plus profondément, plus profondément. Catherine, allons, courbons le bras... Sourions, mesdemoiselles. Imaginez que sa Majesté est devant vous², — она поперхнулась и тут же продолжила: — Levons-nous!³

Она властно оглядела класс, сложив руки за спину, прошла взад и вперед и, вновь повернувшись к девушкам, монотонно начала:

— Attention, la classe, séparons-nous. La cavaliers á ma gauche, les dames á ma droite. Les cavalier s'angage, faisons de la musique⁴...

Вдруг из рядов «кавалеров» выскочила Натали, вскинула руки над головой и, притопнув, весело воскликнула: «Хоровод!» По рядам пошли улыбки, которые тут же прекратились под гневным взглядом попечительницы.

— Хоровод ваш, голубушка, крестьянское развлечение, недостойное воспитанных барышень. Le Silence! Alors, et...⁵ — И громче, обращаясь к сопровождению:

— Musique, s'il vous plait, Madame! Et ...⁶

Дверь открылась, девушки тут же застыли в па, которые еще мгновение назад так старательно выполняли, и в зал вошла одна из воспитательниц.

— Анна Павловна, извольте обратиться, — попечительница подала знак вошедшей. — Графиня Сундукова из Киева прибыли.

— Ну, добрались, наконец-то. — Сделала три шага к девушкам: — Натали!

— Да, сударыня. — Девушка склонилась перед директрисой в легком поклоне.

— Извольте со мной, сударыня, прибыла новая воспитанница, будете меня сопровождать. Ведь вы дежурная по дортюаре вашему сегодня? Идемте! Musique, Madame. Mesdemoiselles, valsons ...⁷

Группа, возглавляемая Анной Павловной, вышла в коридор жилых помещений, где напротив двери в дортюаре Натали обнаружили девушку в черном платье и чепце того же цвета. В руках, словно протягивая, она держала саквояж коричневой кожи и летнее пальто через руку. Натали отметила для себя и благородную, горделивую осанку, и величественный, сопряженный с надменностью взгляд. И только бледно-серое лицо, с такими же серыми глазами и губами, отличало ее от горских княжон и выдавало в ней воспитанницу одного из институтов. Заметив приближающихся людей, девушка сняла с рук идеально белые лайковые перчатки и поклонилась попечительнице. «Грация лебедя, с неестественно вытянутой шеей — уж реверансы в Киеве делают бесподобно», — подумала Натали, отвечая на любезность.

— Ну, полноте, девушки. Друг мой, Ирина Сергеевна, как добрались?

— Дорога была легкая, благодарю Вас, Анна Павловна. До Москвы меня сопровождали ученицы Вяземской гимназии, которые возвращались с отдыха. И дни ожидания встречи с великой столицей пролетели незаметно, — ответила молодая графиня, удивленная радушием попечительницы.

— Ну и хорошо, — улыбнулась Анна Павлов-

² — Девушки, реверанс... глубже, глубже. Катерина, ну же, ручку выгибаем... Улыбаемся, девушки. Представьте, что перед вами Их Императорское Величество.

³ — Поднимаемся!

⁴ — Внимание, класс. Разбиваемся на кавалеров и мадам. Слева от меня — кавалеры, справа — мадам. Кавалеры ангажируют, музицируем.

⁵ — Тишина! Итак, и...

⁶ — Музыка, пожалуйста, мадам! И...

⁷ — Музыка, мадам. Девушки, вальсируем...

на. — Свет мой, нынче же отпишусь вашей патронессе о добытии. Натали! — обратилась попечительница к своей воспитаннице. — Покажите Ирине Сергеевне этажи, классы и познакомьте с девочками...

— Слушаюсь.

— Да, Ирочка, подойдете к Нине Александровне де Ламар, камера 104, получите новый гардероб. Натали вам покажет. — Девушки улыбнулись и сделали реверанс. — Ступайте, душечки. Нат, не забудьте показать место Ирине.

— Хорошо, Анна Павловна.

— Ну, ступайте, а мы вернемся в класс. Натали, завтра зайдете ко мне с утра, не забываяте — в следующую субботу в город за ленточками, и возьмете Ирину с собой, пусть девочка посмотрит город.

— Хорошо, Анна Павловна.

Дверь дортуаре закрылась, и Натали, подскочив к кровати с резными спинками и небольшой тумбочкой рядом, отвязала шнур, державший балдахин.

— Вы, наверно, изволите переодеться с дороги?

Вторая девушка, неторопливо меряя комнату шагами, приблизилась, поставила саквояж на стол-тумбочку и, оглядев свое личное пространство, подумала: «Очень прелестно».

— Ну, что вы, — протянула она. Пальто ее соскользнуло на кровать. — И я ничуть не устала, в поезде было весьма удобно.

— Ну тогда извольте. Желаете осмотреть классы или рабочие камеры?

— На ваше усмотрение, — снисходительно улыбнулась Ирина. — Голубушка, а к чьей фамилии вы принадлежите?

Натали удивленно посмотрела на новую воспитанницу и понимающе кивнула:

— А, понимаю, — улыбнулась девушка, — только у нас все подружечки меж собой, и родительства обсуждаются только от количества переданных сладостей. — Натали хотела взять Ирину за руки, но передумала. — Вот Вас часто будут навещать?

— Наши воспитатели... — проговорила девушка, сделав вид, что не расслышала вопрос, и скрылась за накидкой, откуда вскоре вышла без сюртука, в одной только белой рубашке с

черным бантом, закрывающим ворот, — наши воспитатели говорят, что именно происхождение отличает и возвышает воспитанниц над толпой. И этого даже мало — требуется также умение держать себя в обществе...

— Вы правы, — весело перебила ее Натали, — умение быть частью общества, не забывая о хороших манерах. Это и будет говорить о происхождении больше, чем умение падать в глубокий реверанс. — Она еще раз улыбнулась и выдохнула, добавив: — Ну, идемте знакомиться с вашим будущим домом, пожалуй, еще на полтора года.

Ходили долго. Натали провела только прибывшую по рабочим камерам, залам — спортивным и художественным; заходили в зал для танцев, где не так давно занимался класс Натали. Очутились в камерах, где еще шли занятия у средней группы, и поднимались на самый верх к хозяйственным помещениям. И казалось, внешне холодная и отстраненная Ирина удивлялась лишь тому, насколько прекрасно осведомлена Натали об институте. Не было того, чего бы она ни знала: с легкой непринужденностью рассказывала как об истории появления тех или иных скульптур, так и о написании тех или иных портретов. Особый трепет в Ирине вызвала только одна картина в парадной — портрет Императрицы Екатерины, основательницы Смольницкого института. Натали отметила для себя, как задрожали руки девушки. Это обстоятельство слегка ее порадовало. Закончили осмотр на самом верху, у слухового окна, выходящего на площадь, где она показала место, которое смольницкие называли «флигель».

— Здесь старшие, уже выпускницы, собираются тайком по вечерам и делятся сокровенным — это самое дорогое место для каждой. — Замолчала и, подумав, добавила: — Почти для каждой.

— И воспитатели не возражают? — Ирина демонстрировала явное нежелание слушать о подобных местах, но Натали считала своим долгом посвятить ее во всё, что происходило в институте.

— Не знаю, но мы делаем все тихо, и никогда никто не догадывается. Здесь пользуемся свечью, свет которой не заметен внизу. — Она

отковырнула плитку в стене, под которой оказался тайник, и извлекла три огарка свечи. — Свечи, к сожалению, нельзя выносить, и мы пользуемся этим. А это, — указала на свертки из ткани, — девушек.

— Что там?

— Показывать не могу, как можно? Приходи завтра вечером, и они сами покажут. Но могу рассказать одну историю. Год назад Ниночка — она выпустилась уже — танцевала на балу с юнкером Императорского училища. Он обронил запонку в платок к ней. Так она его так любила целый год, исхудала вконец. Мы ее все так жалели бедняжку. — Натали сложила общее «богатство» девушек обратно и продолжила: — Их всех потом отправили на немецкий фронт. Представляешь, с того бала они не встретились более, — Ирина кивнула, — вот такая симпатия бывает. Жалко их, а все-таки такие они счастливые: не едят, в словах запинаются, письма пишут романтического содержания. Сжигают потом, правда, но это так... — Натали завистливо вздохнула, и они стали спускаться.

Ирина отправилась разыскивать Нину Александровну, как велела попечительница, а Наталья поспешила в прачечную, где ее ждали Софья и другие девочки.

* * *

Утром Натали собиралась для выхода в город за покупкой ленты на воротнички воспитанницам, точнее можно было сказать, что она сопровождала госпожу де Ламар, учителя музыки и начальницу хозяйской части.

Привилегию эту она получила благодаря своему усердию, всеобщей признательности, разумности мысли и принадлежности к роду Бронницких, чем, впрочем, никогда не кичилась и не выставляла напоказ, да и мало кто из девушек знал об этом, за исключением ближайших, как, например, Лизонька. К тому же сегодня их сопровождала Ирина: имя, которое за ней так и закрепилось. Назвать ее Ирочкой никто не решался. Достаточно только было взглянуть в ее черные, горящие глаза, чтобы желание назвать ее иначе пропало вконец.

— Ой, подружечки, счастливые вы, — обступили Натали и Ирину соседки.

— Отчего же, душенька? — лукаво улыбнулась Натали.

— Ну, вы пойдете к мадам Кашке, будете гулять по Невской набережной. Ой, здорово!

— Да и госпожа де Ламар! С ней ходить одно удовольствие.

Воспитанницы просто обожали ее сопровождение в город, поскольку последняя, сама в прошлом выпускница Смольницкого, зная о скудности питания и неизбалованности учениц, втайне от попечительницы покупала из своего жалованья им пряники и заставляла их съесть все до последней крошки еще до возвращения в институт. Также она не возражала против «подарочков» со стороны торговых, которые жалели бледных и худых «институтков». У остальных воспитательниц с этим было строго.

Во дворе их ждал уже запряженный экипаж, возле которого стояли Нина Александровна, молодая еще женщина приятной наружности, и Прохорий — местный дворник, истопник и единственный мужчина во всем институте. Девушки приблизились к повозке и поклонились воспитателю.

— Доброе утро, любезный Прохорий, будет ли нам сегодня баня? — щек ее коснулся рукавец.

— Не извольте беспокоиться, исполню все в лучшем виде, — весело проговорил Прохорий.

— Ой, хорошо как... — потянулась Натали от удовольствия, предвкушая вечернюю баню.

— Девушки, прошу садиться в экипаж, — перебила ее Нина Александровна и, дождавшись, когда те усядутся, последовала за ними; Прохорий повел лошадей под уздцы до ворот, открыл и, выпустив их, махнул рукой на прощание.

Экипаж пересек пустырь за институтом, небольшой парк и выехал на Суворовский проспект, бывшую Конногвардейскую и Слоновую. Мимо проносились люди и экипажи, автомобили, поднимая пыль, накрывавшую прохожих: служащих и разночинцев, господ в шикарных фраках и мальчишек-разносчиков в ученических куртках. Видимо, пыль Петрограда так не уживалась с киевской, что застав-

ляла чихать Ирину, едва та слышала шум приближающегося авто.

Обстоятельство это весьма забавляло при- выкших к подобному Натали и госпожу де Ламар. Правда, вида они при этом не показывали, чтобы не обидеть девушку. Но при каждом чихе ее они переглядывались и шурились, словно говоря — вот такой он, Петроград. Нина Александровна при этом успевала рассказывать страдальце об именитых фамилиях города и некоторых знаменитых постройках. Вскоре, съехав с проспекта, экипаж свернул на боковую улицу, где покотил в тени величественных садов.

Наконец повозка пересекла Аничков мост, на котором воспитательница старательно пыталась отвести взгляды девушек от фигур покорителей коней. Теперь посмеиваться пришел черед девушек, что они и делали, заливаясь при этом румянцем и прячась в платки. А впереди открывалось море — могучий и широкий Невский проспект с гордо возвышающимся вечным его судьей, Казанским собором.

Улица жила своей особой, никогда не смолкающей жизнью: армянские обувные, хлебные лавки, дорогие рестораны, облюбованные молодыми, непонятно откуда появившимися миллионерами, экипажи в два ряда и вечно прогуливающиеся мещане. Ирине показалось, что сверху на них обрушился настоящий смерч. Голова ее закружилась, отчего взволнованная мадам де Ламар поинтересовалась, может ли та идти и не хочет ли остаться в экипаже дожидаться, на что получила категорический отказ. Натали, напротив, с восхищением наблюдала за проходившими мимо гимназистами и молодыми дамами, одетыми по последней моде. Словно за эти пять минут «свободы» она могла прожить все то, что оставалось за стенами института.

Рядом со стоянкой экипажа располагался рекламный щит, который привлек ее внимание. Изображал он темнокожего господина в дорогом костюме и с сигарой в зубах. Надпись под ним гласила: «Лучшее с маслбойни Стр. и К^о».

— Нина Александровна, — обратилась она к провожатой, — взгляните.

Нина Александровна, а следом за ней и Ирина, повернулись в указанную Натали сторону и также принялись разглядывать вывеску.

— Срамота какая, — проговорила Ирина и отвернулась. Женщина же, поразмыслив о чем-то, сказала:

— Не знаю, что этим хотел сказать художник, но маслбойня и эфиоп сочетаются так же, как бальное платье и лапти. — Она ловко развернулась на каблуках и бодро, по-военному скомандовала: — Идемте! Надо сообщить об этом Их Превосходительству Анне Павловне по возвращении.

Неизвестно, сдержала она обещание, данное на мостовой Невского двум своим воспитанницам или нет, но через неделю вывеска эта была снята. Где она теперь, никто не знает.

Пройдя пару шагов, они остановились у края дороги, с любопытством рассматривая строй солдат с красными колышками на папах и такого же цвета нарукавными повязками. Молча, без какого-либо строевого марша проходили они мимо, чеканя сапогами мостовую.

— Какие странные военные, — указала на отряд Ирина, — без погон вовсе. Никогда таких прежде не видела.

— И я не видела, — подтвердила Натали, — какого полка будут, непонятно. И лица у всех, суровее не сыскать.

Нина Александровна смутилась интересом девушек, но что ответить, не нашлась.

— Так война идет, вольноопределяющиеся, наверно. И, стало быть, следуют к фронту.

— Ой, и правда, — обрадовалась Натали, — а мы и не признали. Только зачем красные нашивки? Это полк милосердия?

Воспитатель их опять промолчал, а проходящие мимо, заметив интерес со стороны девушек, звонко прокричали:

— Здравия желаем, барышни, — и, засмеявшись о своем, продолжили путь. Ирина и Натали сделали в ответ реверанс и, смущенные полученным вниманием, поспешили пройти вперед.

Шли молча, пока Натали вдруг не выдала известия, отчего даже у Ирины брови приподнялись от удивления.

— А я хочу молодой умереть.

Нина Александровна, изумленная, устремила свой взгляд на девушку.

— Ангел мой, Натали, что за мысли в юной головке?

— Ну, правда! — Она подскочила к застывшей мадам. — Только не перебивайте. Хочу умереть молодой и красивой, а не старой и морщинистой или тифозной. И еще хочу умереть сразу, раз и все, чтобы не мучаться долго.

— Как же это так? — Материнская улыбка озарила лицо Нины Александровны.

— Не знаю, пока не придумала, но знаю одно, когда смерть придет за мной, я обязательно, непременно пойму это и улыбаться буду, чтобы Боженька меня счастливой принял.

— Ой, страдалница вы моя. Идемте, девушки, я вам лучше пирожных куплю. Ныне пирожные изумительные стали делать, мягкие, политые французским сиропом.

Поначалу Ирина смутилась, но женщина успокоила ее, сказав, что все нормально, и чуть не силой всучила ей в руки бумажный стаканчик с пирожными. Видно было, как девушка осторожничает, отламывая пирожное. Но с какой старательностью она пережевывала каждый кусок!

Так они незаметно подошли к Гостиному двору.

— Ой, дивчины! — неожиданно громко раздался чей-то пьяный голос.

— Да щё не дивчины, братко, сё институтские, шо куклы! — отвечал другой.

Было понятно, что разговор шел о них, но до спасительных дверей оставалось метров тридцать, и воспитатель подала знак девушкам ускорить шаг.

— А шо, институтские не дивчины? Смотри, какие...

Не дав договорить идущему позади, мадам де Ламар развернулась и нарочито изобразила сердитый голос:

— Сударь! — Перед ними стояли два пьяных бородача в простеньких дешевых пиджаках. — Сударь! — вновь повторила она, разглядев мужчин внимательней. — Если вы...

Неожиданно один из них перебил ее, сжал пальцы в кулак и, ударив себя по груди, чуть не крича, выпалил:

— Какой я тебе сударь! Я мастеровой с Литейного... с братом, а не сударь... вот.

— Пусть так, любезнейший, но если вы не угомонитесь, я буду вынуждена обратиться к околоточному.

Натали и Ирина смотрели на своего воспитателя с восхищением и гордостью. Сейчас она напоминала им пантеру с уроков географии, кидающуюся на стаю гиен, чтобы защитить своих детенышей. Ситуацию разрешила вдруг ниоткуда возникшая торговка бубликами с двумя связками на шее.

— Что пристаёте к барышням, пьянь! — закричала тетка на мастерового. — Видите же, с института, что дети малые, — добавила она, обращая это не то к пьяным, не то к девушкам.

— Да мы... — пытались возражать рабочие, но торговка с усердием начала отталкивать их в сторону.

Вокруг стали собираться зеваки, некоторые одобрительно закивали, кто-то со спины прокричал: «Правильно. Нечего обижать!» Натали, видя, что толпа все нарастала, потянула Нину Александровну за рукав, шепча: «Уйдемте, мадам. Видите, народ собирается. Нехорошо, ругаться будут».

Воспитательница согласилась с ней, и они поспешили скрыться за дверьми Гостиного двора, где вскоре отыскивали лавку «Польские ткани Кашки». Через час экипаж с девушками благополучно пересёк ворота института. Вечером по возвращении история о героическом сражении Нины Александровны с пьяными драчунами облетела всех воспитанниц.

Субботный день ученицы ждали с нетерпением не только оттого, что имели возможность выехать в город, но он также был известен как банный день. Печник Прохорий все утро возился во дворе с телегами дров, сажей и непонятными железными «штуковинами». А вечером в полутьме, разделившись на четыре группы по пятьдесят, строем, возглавляемым воспитателями, девочки шествовали «в бани», где старшим, закутавшись в простыни, позволялось понежиться в парилке. Затем, пропустив вперед средних, помогали мыться младшим и только затем мылись сами. После бань — до сна — воспитанницы были предоставлены самим себе — это время отводилось

для того, чтобы девушки могли привести себя в порядок и написать письма родным и близким. Обычно на это время дортуаре превращались в поля сражений, где проходили настоящие подушечные баталии.

* * *

Через отворившуюся дверь дортуаре вошла Натали в обнимку с Констанцией, щеки которой после бани горели румянцем — она была еще очень юна и не приобрела характерную бледность лица. Сейчас же Констанс весело переговаривалась со старшей подружкой и время от времени заливалась детским и непосредственным смехом. Следом вошли Лизонька, Ирина и еще несколько девушек. Констанцию тут же усадили на стол и принялись расчесывать ей кудри и расправлять локоны. Некоторые уселись на кровати Ирины и наблюдали, как та закручивала волосы. Они восхищенно смотрели, как она зачесывала прядь за прядью, подвывая кончики волос деревянными косточками.

— Ой, подружечки, я бы так не сумела, — восхитилась Ниночка фон Котен, — я бы уже вся извелась-таки.

— Душенька, подать тебе зеркальце? — вторила другая.

В другом углу дортуаре послышался смех Натали, которая старательно спихивала Констанцию со своей кровати.

— Вот Натали, к слову... — начала было Ниночка, но вдруг осеклась, почувствовав на себе недовольный взгляд Ирины; девушки заметили странную перемену в их отношениях после поездки в город: до нее они словно не замечали друг друга, а по возвращении стали неразлучны. Ирина, обычно суровая, под влиянием Натали становилась более открытая, а Натали зачастую переставала шалить в присутствии Ирины, что не могло не радовать воспитателей.

Перед глазами Ниночки появилась внезапно возникшая тень.

— Натали? — спросила она, не оборачиваясь.

— М-м. — Натали, помедлив, позвала: — Ниночка... душечка...

Ниночка, чуть сдерживая смех, прохныкала:

— Я чепчик уже надела.

Повернувшись, она увидела пританцовывающую девушку с подушкой наперевес. Из-за спины ее, хитро щурясь, выглядывала Констанция.

— Что же Натали? — засмеялась Натали и опустила подушку на голову подружки. Задышавшись от возмущения, Ниночка с криком «Вот я вам!» схватила первую попавшуюся подушку и зашвырнула ее в подошедшую. Уже через минуту все были вовлечены в «битву», и даже Ирина не выдержала и ринулась в бой, получив снаряд-подушку, который умудрился спутать ей все волосы. Маленькая Констанс бегала по дортуаре и хватала всех за подолы, пока не была закопана под одеяла. Время пролетело быстро, сражение прекратилось, лишь когда услышали дверь дальних дортуаре и голос начальницы: «Девушки, гасим свет!» Констанс тут же была отправлена к себе, а девушки попрятались под одеялами. Дежурные щелкнули выключателями, и в комнате сделалось темно.

На город опускалась ночь. Загорались редкие августовские звезды, которые пробивались едва заметным бледным светом, и даже деревья замирали на мгновение вечности, давая возможность отдохнуть и набраться сил измученным за день людям. Засыпали и обитательницы института: Натали, Ирина, Лизонька, общая любимица маленькая Констанция и истопник Прохорий в своей сторожке; засыпали остальные девушки, погружаясь в волшебные сказочные миры, населенные добрыми драконами, храбрыми рыцарями и прекрасными принцессами.

К Натали долго не шел сон: она лежала с закрытыми глазами, ворочаясь из стороны в сторону, и слушала соловьев, распевających в деревьях. Вдруг внимание ее привлек странный звук, похожий на скрип и рев моторов подъезжающих машин. Кто-то с силой забарабанил в дверь парадной. Окончательно проснулась, когда по этажам послышалась тяжелая поступь сапог. Краем глаза она заметила, как начали просыпаться ее подружки, спокойно вслушиваясь в темноту. Вдалеке раздался голос начальницы и следом несколько мужских. Между тем шаги приближались. Всё

дортуаре приготовилось увидеть что-то непонятное и странное, но неожиданно вновь наступила тишина. Девушки опустили головы на подушки. И когда Натали была намерена уснуть, распахнулась дверь и зажегся свет, больно слепя глаза. На пороге стоял солдат с винтовкой в руках. Знаков отличия на нем не было, Натали заметила только знакомую нарукавную повязку красного цвета.

Девушки закричали и попрыгались под одеяла, кто-то, как и Натали, даже закутавшись, с интересом продолжали наблюдать. Со словами: «А ну! Не визжать!» солдат вошел в комнату, следом — молодой мужчина в форме рабочего паровозного депо с бескозырной юнкерской фуражкой на голове. Лицо первого растянулось в довольной ухмылке:

— Гляди, Семен, девки полуголые.

При этих словах девушка у двери попыталась встать. Девушки услышали заглушенное «Мамочка!» — солдат прикладом подтолкнул её обратно на кровать, добавив:

— А ну, не балуй!

Из соседнего дортуаре раздался возглас воспитанницы. Натали слышала такой, когда с сестрой гуляла в Марьиной роще: так кричал случайно поранившийся об железную ограду лебедь. Услышав шум за стеной, девушки сжались. Кто-то заплакал. Вновь крик. Голос Ниночки Дубровиной, и звук глухого удара обо что-то. Опрокинулся стол, и опять тишина. Видимо, это забавляло вошедших, вызывая громкий ехидный смех.

Ирина, не выдержав, подскочила со своей кровати и кинулась на человека в фуражке. Попыталась сбить его с ног, но тут же получила удар прикладом в живот, отчего повалилась на пол, задыхаясь и держась за ушибленное место. Лизонька ойкнула, кто-то закричал, остальные молча наблюдали из-под одеял и плакали.

— Семен, — обратился солдат к товарищу, — гляди, девка сама прыгнула. Хочешь девку?

Семен, как его назвал человек с ружьем, одобрительно заржал. После этого солдат подхватил еще не пришедшую в себя девушку и поволок к двери в гардеробную.

— А вы, — прикрикнул он на остальных, — чтобы тихо тут.

Натали, до этого момента сидевшая, оцепе-

нев от страха, собралась с силами и пришла в себя. В сознании появился образ Нины Александровны с глазами пантеры. Пронеслась картина ее схватки с пьяными драчунами на Невском рядом с Гостиным двором. Сдавленный крик Ирины из-за двери окончательно привел в чувство. Не помня себя, она соскочила с кровати и, схватив со стола газовую горелку, ринулась к гардеробной; плечом, сколько было сил в хрупком теле, толкнула дверь и с размаху ударила первого попавшегося мужчину. От удара горелка разлетелась, облив насильника.

— Курва! — вскричал солдат.

Натали умудрилась рассечь ему лоб. Не разбирая, он махнул прикладом в сторону девушки. Ирина в разорванной сорочке — это было последнее, что увидела Натали, прежде чем потерять сознание.

Вскоре она очнулась. Ладонью коснулась лица и обнаружила запекшуюся кровь на губе. Попыталась приподняться, отчего в голове зашумело и заныло в боку. Девушки всё так же сидели по кроватям и с ужасом смотрели на лежащую подругу. Они уже не плакали, только смотрели на всё глазами загнанных зверей. Еще через мгновение к Натали вернулся слух, и она разобрала приглушенные всхлипывания Ирины. Опять сделалось невыносимо больно, в глазах потемнело, и она упала бы, если бы ее не подхватили чьи-то сильные руки. Это была Анна Павловна. Надрывным голосом она кричала что-то незнакомым, вновь прибывшим военным в сопровождении интеллигентного вида мужчины:

— Этого вы хотели? Это нужно было вашему трудовому народу? Чем вам девочки мои помешали?

Натали видела, как военные выволокли из гардеробной двух бандитов. Ирина оставалась внутри. Интеллигентный мужчина навис над «солдатом и Семеном».

— Вам что было приказано? — Голос его задрожал и сорвался на крик: — Охранять двери! Двери охранять! Чтоб не вошел никто! Не входить! Ироды!

— Вы что, Лев Валерьянович? — оправдывался «солдат». — Помяли бока дворянке, с неё убудет?

— Что... — Лев Валерьянович замер и, обер-

нувшись, сухим четким голосом скомандовал:
— Расстрелять. Немедленно.

— За что? — заметались бандиты. — Своих товарищей из-за буржук этих...

Дальше их слышно не было: солдаты уволокли их в коридор. Из вошедших в помеще- нии остался только тот, кого назвали Львом Валерьяновичем, и второй, брюнет среднего роста в черной кожанке.

— Здесь будет располагаться ВЦИК, судары- ня, и, кроме того, завтра заезжает Петрогра- дский совет. По понятным соображениям...

— И кто принял это ваше решение? — пере- била его Анна Павловна.

— Сие постановление о переезде совета при- нято выборным правительством. Наш коми- тет по понятным причинам должен захватить раньше. Вы будете переведены...

— Это приказало ваше правительство? — Женщина указала на девушек и Натали, си- девшую уже на краю кровати. — Это приказа- ло ваше правительство? — И она указала на дверь, за которой находилась Ирина.

— Сударыня, не сомневайтесь, виновные будут наказаны, но исполнительный комитет не должен был упускать момент. Это для бла- га народа...

Человек в кожанке кивнул в подтверждение. Лев Валерьянович выдавил из себя улыбку и шепотом, обращаясь к спутнику, добавил:

— Завтра все газеты будут писать о том, что большевики насилуют воспитанниц института.

— Господа! — воскликнула начальница, зах- левываясь от гнева. Интеллигентный мужчи- на замолчал. Видно было, что он на что-то ре- шается. Лицо его покраснелось и покрылось испариной. Он схватился за виски, но тут же опомнился:

— Сударыня, старшие группы будут переве- дены немедленно. Через полчаса внизу вас будут ждать машины.

Потом он повернулся к своему спутнику:

— На Гатчину! Вы поняли меня, надеюсь?

Человек в кожанке нахмурился, приподнял брови и, пристально посмотрев на интелли- гентного мужчину, вновь кивнул. Услышав эти слова, Анна Павловна вздрогнула и с изумле- нием уставилась на них. Затем перевела свой взгляд на девушек. Остановилась только на

Натали. Она сидела все так же на краю кроват- и, смотря в пол. Глаза ее, раньше с живым огоньком, стали потухшими и незнакомо взрослыми.

— А вам, сударыня, завтра надлежит подго- товить среднюю группу. Их переводят...

Анна Павловна вновь перебила мужчину еле слышным и совсем уставшим голосом:

— Я не оставлю воспитанниц.

— Воля ваша, сударыня. — Еще раз осмотрел комнату и добавил: — И позаботьтесь о девушке.

Как только дверь закрылась, женщина нап- равилась в гардеробную. Ноги ее не слуша- лись, казалось, еще мгновение, и она упадет. Кто-то захотел помочь, но она сделала знак оставаться на местах. Тихо приоткрыла дверь и замерла. Внутренне она была готова ко все- му, но то, что было там, вызвало ужас и при- вело в состояние оцепенения. Там внутри — в гардеробной — в разорванной окровавленной сорочке висела Ирина. Анна Павловна хотела посмотреть ей в лицо, но поднять взгляд вы- ше сил не было. Молча собрала верхнюю одежду девушек и вышла. Положила все на стол в центре помещения и сказала:

— Девушки. — Она замолчала. Посмотрела на воспитанниц. И продолжила непривычно тихим для нее голосом: — Нас переводят... Сейчас будут машины... — Говорить было все сложнее и сложнее, к горлу подступил комок. — Я поеду с вами. А завтра к нам присоединят- ся остальные.

Вдруг она вздрогнула. Это Натали косну- лась ее руки. Она не видела, но поняла, что это именно она.

— Не бойтесь, — сказала девушка, — я с вами. Мы все с вами.

Натали сжала руку попечительницы и, загля- нув ей в глаза, улыбнулась, тихо, по-доброму, как умеют улыбаться только счастливые дети.

— Я знаю это, мои девочки. — Помолчала и добавила, как прежде, словно ничего не слу- чилось: — Через двадцать минут всем собрать- ся во дворе!

Перед уходом Анна Павловна прошептала Натали на ухо: «Не давайте никому входить в гардеробную». После этого она ушла, а Ната- ли заставила всех девушек смеяться.

Через полчаса взрвели моторы, дворник

Прохорий махнул на прощание девушкам рукой, и машины, выехав за ограду, понеслись по пустырю, поднимая за собой столб пыли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я часто возвращаюсь в Санкт-Петербург, прогуливаясь вокруг Смольного, пытаюсь вдохнуть воздух того времени, пытаюсь представить девичьи игры во дворе института. Живописный парк с прекрасной аллеей раскинулся теперь рядом. На старом пустыре сделаны газоны с цветами и дорожки для прогулок.

Я тщетно пытаюсь поймать ветер того времени. Все ушло, все потеряно и сокрыто под асфальтом. На том месте, где раньше бегали институтские девочки, стоит памятник человеку, который своей железной волей навсегда вычеркнул память тех лет, убил все лучшее, что было накоплено в те времена. По своей прихоти он исказил судьбы тех, кто, не жалея потерянных чинов и регалий, не страшась дурных слов в обществе и пренебрежения в народе, устремлялся за мужьями и любимыми в Сибирь на каторгу, тех, кто, не задумываясь о дурном мнении и насмешках, мчался на

Кавказ в поисках своих женихов. Не им воздается хвала и оказываются почести, а человеку, погубившему великую добродетель, названную «русской женщиной».

Прогуливаясь вокруг, я заглядываю в окна Смольного. Смотрю туда, где раньше располагались жилые помещения. Кажется, что еще секунда, и в витражах мелькнет маленькая Констанс, прислонится к стеклу и будет всматриваться в темноту, пытаюсь понять, куда и зачем увозят ее подружку Натали. Но еще через мгновение понимаю, что это только мое сознание, что это только тюль качается на ветру.

Списки учениц под предлогом революционной неразберихи были утеряны и не найдены до наших дней. Дальнейшая судьба выпускниц 1917 года с момента их отъезда из Смольного неизвестна.

□

Георгий ПУЛККАНЕН

родился в 1981 г. в Эстонии.

В возрасте восьми лет был перевезен в Карелию.

Сотрудничал с карельскими периодическими изданиями.

Автор рассказов, очерков, пьес.

Публиковался в журнале «Планета Красота».

На данный момент живет в городе Лаукаа

(Центральная Финляндия).

В журнале «Север» публикуется впервые.

